Вестник Евгений Яковлевич

6.5.2000

Interpone tuis interdum gaudia curis

СУББОТНИК НГ

МАЙ – 2000

Независимая газета –

Еженедельное приложение к «НГ» № 17 (17), 6 мая 2000 г. Выходит с января 2000 г.

● К ДНЮ ПОБЕДЫ стр. 10-11

ТВ ЧТО ПОКАЖЕТ И ЧТО НЕ ПОКАЖЕТ ТВ 9 МАЯ стр. 12

ТВ ПОРТРЕТ ОПТИМАЛЬНОГО ЗРИТЕЛЯ РТР стр. 13

ТВ ПРОГРАММА ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА НЕДЕЛЮ стр. 13

● ИЗ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПОЧТЫ «НГ» стр. 15

● КУЛЬТУРНАЯ АФИША НЕДЕЛИ стр. 16

55 лет ПОБЕДЫ

Евгений Весник.
Фото Артема Житенева (НГ-фото)

У ВОЙНЫ ИДИОТСКОЕ ЛИЦО

Народный артист СССР, ветеран войны Евгений Весник очень боится за подрастающее поколение

Сергей Копылов,
Александр Щуплов

ЕВГЕНИЙ ЯКОВЛЕВИЧ, конечно, в одном интервью нельзя рассказать *все* о войне, которая совпала с вашей юностью, и все же... Как отразилась война на вашей судьбе?

– Если коротко, то я понял: война меня, по сути дела, сформировала. На войне я сложился как человек, на войне сформировался мой характер, оформилось мое мировоззрение, мои взгляды на жизнь... На фронт я попал в 1942 году, когда мне было девятнадцать лет. Прошел Карельский фронт, всю Восточную Пруссию (интересная деталь: я прошел путь, который в Первую империалистическую войну прошел мой отец, рядовой царской армии – от Кибартай до Пиллау, через Фишгаузен и Кенигсберг).

– Где для вас началась война и где закончилась?

– Война вообще или Отечественная?

– А что значит «война вообще»?

– Война у меня началась с государством, когда моего отца арестовали и расстреляли, когда арестовали и посадили на 18 лет мою маму. Внутренне я всегда воевал с государством. Я патологически ненавидел большевиков, советские порядки.

Мальчишкой я завидовал своему отцу, который во время Гражданской войны был награжден двумя орденами Красного Знамени, а в 1934 году – орденом Ленина. Во время своих первых свиданий со школьной подругой, когда на двоих съедалась одна порция мороженого, но обсуждались архиглобальные проблемы человечества, я сетовал на то, что не смогу быть таким же героем, как отец, не смогу заслужить столько наград, как у него. В 16 лет я не мог предположить, что стану кавалером двух медалей «За отвагу», орденов Красной Звезды, Отечественной войны...

К великому сожалению, я ошибся – 22 июня 1941 года началась страшная война. В начале сентября 1941 года я, как и большинство студентов Театрального училища имени Щепкина при Государственном академическом Малом театре, получив телогрейку, сапоги и лопату, отбыл в товарном вагоне на трудовой фронт под Смоленск. Мы рыли противотанковые рвы и получали отметки не за глубину проникновения в суть и характер роли, а за глубину проникновения в землю. Пятерки получали те, кто выкидывал «на-гора» семь кубометров. Тревожная обстановка, опасность приближения врага, чувство ответственности быстро уравняли наши способности и усилия, и все мы, щепкинцы, стали круглыми отличниками. Как бы обрадовались наши педагоги – ведь в учебе наши успехи редко бывали столь блестящими! В начале октября 1941 года пришло известие об эвакуации Малого театра, а вместе с ним и училища. Мы тронулись в изнурительный месячный путь в Челябинск и только в ноябре прибыли на место. Знакомые лица любимых актеров, участие в массовых сценах в спектаклях нашего театра, начавшиеся занятия в училище – все это скрашивало полуголодную студенческую «балконную» жизнь. «Балконную» потому, что долгое время несколько студентов, в том числе и я, спали на балконе Челябинского драматического театра имени Цвиллинга.

В 1942 году, будучи студентом второго курса училища, я был призван из Челябинска в армию. Освобождали от службы только студентов третьего и четвертого курсов, остальные должны были воевать. Не помню, при каких обстоятельствах моя повестка попала в руки Александра Алексеевича Остужева. Он внимательно прочел ее. В ней указывался перечень предметов, с которыми я должен был явиться на сборный пункт. Последним в этом списке был котелок. Остужев вернул мне повестку и задумчиво сказал: «И с котелком. Иди, юноша, иди воюй! Если бы мне твою молодость, я, клянусь тебе, непременно бы пошел воевать! Стар я. Иди и обязательно хорошо служи. Армия – школа жизни, я это знаю, она поможет тебе стать артистом. Я ведь тоже по-своему воюю. Я отдал все, что у меня было, в Фонд обороны, все. Пусть хоть полкрыла самолета будет моим! Я отдал государству огромный золотой канделябр. Пусть воюет. Воюй и ты. Я буду рад видеть тебя живым и здоровым. С Богом!» Через несколько дней во всех газетах была опубликована телеграмма Главнокомандующего Иосифа Сталина народному артисту СССР Александру Алексеевичу Остужеву: «Благодарю за заботу о Красной Армии».

Война приняла меня в свои объятия в 19 лет и отпустила на волю 22-летним. Ушел на войну романтически настроенным юнцом, фантазером. Воевать даже нравилось... когда наступали, и не очень – когда отступали. Например, когда разрушали своими орудиями вражеские коммуникации или часть сопротивлявшегося населенного пункта, да еще получали награды за это, то, конечно, чувствовали себя «орлами», Чапаевыми и Петьками... Но, вернувшись с войны, я осознал свою, хочешь не хочешь, причастность к человекоубийству, случайность того, что сам остался в живых; понял, сколь трагична и никчемна была суета человеческая, но в то же время – насколько могуче человеческое единство во имя любой цели! Любой! Мы воевали за как бы непременный, уже осязаемый рай! Но рая нет! Есть что-то сатанински «разъединительное», нет ничего «объединяющего». Есть лабиринты самоуверенности! И нет – Примера! Высокого!

Когда вспоминаю войну – вспоминаю добрых, смелых, душевно красивых людей; вспоминаю все, что связано с юмором, дружбой, взаимовыручкой, добром, любовью...

– На войне – любовь?

– Любовь! Семибратские кустики – так называлось место под Коломной, где формировалась для отправки на фронт наша 1-я гвардейская артбригада Резерва Главного командования. Я – младший лейтенант, командир огневого взвода, в моем подчинении 17 человек, в том числе заряжающий орудие рядовой Богаев. На очередной утренней перекличке на фамилию Богаев никто не откликнулся. Меня вызвали в штаб бригады. Командир бригады полковник Сергей Петрович Гудзюк, выслушав мой доклад, говорит: «Позор на всю бригаду! Гвардейскую бригаду! Что хочешь делай – найди!» На следующее утро оформляю документы, беру с собой ординарца, едем в родной город дезертира, недалеко от Москвы. У военного комиссара узнаем адрес матери Богаева, берем лошадь, телегу. Приехали в матери. Так, мол, и так, ваш сын дезертировал. Мать в слезы: «Боже мой, это я виновата! Мой сынок ухаживал за девчонкой, был влюблен. Потом его в армию забрали, а ее черт попутал! С местным попом стала жить. Недавно поп умер. Я сыну об этом написала. У нее он, наверное. Это я виновата. Не надо было ему писать!» До поповского дома несколько километров, добрались к шести часам утра. Дом около церкви, на околице села. Света в окнах нет. Ушел Богаев из части с автоматом, так что шутки плохи. «Давай из автомата очередь – выше дома!» – приказываю ординарцу. Свет не зажигается. Еще очередь. Зажегся свет. Проходит минута, другая, затем, как в сказке: открывается дверь и появляется ОНА! Красави-ца-а, диво дивное, распущенные светлые волосы ниже плеч, длинная полотняная рубаха. Падающий из горницы свет контражуром вычерчивает фигуру. Удивительное, волшебное зрелище. Спрашивает: «Что ему будет?» – «Ничего не будет, – говорю довольно грубовато. – Пускай автомат отдаст, оденется и едет со мной. Даю честное офицерское слово, что ничего ему не будет. Если б не нашел его, меня сослали бы в штрафную роту. И его бы потом туда же. А сейчас пусть одевается. Автомат только сначала вынеси и патроны, которые у него есть...” – «Сейчас». Ушла. Через десять минут появляется и в руках, словно хлеб с солью, несет автомат с патронами. Спускается к нам с крыльца. Мой ординарец забирает автомат, патроны. Опять ушла в дом, закрыла дверь. Сидим на телеге, ждем. Погас свет. Ждали минут тридцать. Курили, не разговаривали. Наконец появился... Дальше – как в немом фильме. Я не сказал ему ни слова. Ехали молча. Богаев сидел в конце телеги спиной к нам, свесив ноги. Приехали к матери. Мать вышла во двор, подошла к сыну да как влепит ему пощечину, заплакала и тут же стала целовать. Никаких слов! Потом погладила его и, утирая слезы, ушла в дом. Молча доехали до военкомата. Сдал я лошадь, потом на вокзал. К вечеру добрались до расположения части... Утро следующего дня, переклички: «Иванов! – Я! – Петров! – Я! – Богаев! – Я!» Воевал Богаев очень хорошо. В середине 50-х годов, когда я стал появляться на экране, очевидно, Богаев меня узнал в каком-то фильме. На «Мосфильм» пришло письмо на мое имя, в котором он сообщал, что женился на девчонке, которая «вам известная», стал папой, мать свою похоронил. До сих пор чувствует себя виноватым за доставленные неприятности, но в конце оправдался: «Не махнул бы тогда домой – счастья не нашел бы!»

– Какой орден или медаль для вас самый дорогой?

– Две медали «За отвагу». Я получил их за двух «языков». Вторую медаль получил так: однажды командир бригады полковник Синицын и я, пользуясь нашими неточными картами местности, забрели чуть ли не в расположение немцев. Случилось так, что у меня было небольшое отравление и мне понадобилось... выйти из машины. Укрылся в кустах под балкой, и вдруг на дне балки появляется немец с автоматом. За ним – несколько солдат без оружия, без ремней. Я понял, что ведут немецких «гауптвахтников». Проходят по дну балки и скрываются за поворотом. Идущий последним решил задержаться. Приспичило человеку. Я, не застегнув как следует штаны, тихонько свистнул. Немец повернулся на свист, и я ему показал пистолетом, чтобы он шел ко мне. Немец поднял руки, подошел. Я его довел до машины, привезли в штаб, и он оказался очень полезным «языком»...

– Вы производите впечатление веселого человека.

– Впечатление от большинства артистов, как правило, не соответствует их жизненным качествам, внешности. На сцене артист комик, а в жизни совсем наоборот. Кстати, все клоуны, начиная с Карандаша, Бориса Вяткина и даже Юра Никулин в жизни были совершенно иными, нежели на арене.

– Было ли на войне место для смеха?

– Конечно. Например, был случай: назначили меня временно исполняющим обязанности командира батареи управления дивизии. Должность ответственная, капитанская, а не лейтенантская. В батарею управления входили и переводчики, и разведчики, взвод тяги, взвод строителей наблюдательных пунктов, хозяйственный взвод... Прошло несколько дней. Вызывает начальник политотдела подполковник Якимюк: «Вот шо, Евгений. Приехали до менэ гарни хлопчики – два генерала и тры полковника. Узналы, шо мы на отдыхе. (Отдых – это два-три свободных от боевых действий дня для приведения в порядок материальной части.) Трэба трошки посидеть, побалакать с друзьями. Так вот, просьба у мэнэ до тэбэ: возьми в хозвзводе жбанчик водки и принэси. (Жбанчик – это двадцатилитровая канистра.) Парень я был независимый, молодой: «Товарищ подполковник, я не могу этого сделать. У меня все распределено: по сто грамм – на разведчика, по сто грамм – строителям. Что вы! Это же скандал будет!» – «Ну, добрэ. Я тэбэ у другой раз говорю, шо до мэнэ приихалы гости. Разумиешь? Дуже гарни хлопцы. Трэба трошки посидеть. Принэси жбанчик водки»... Я не сдаюсь. «У третий раз прошу: принэси жбанчик водки!» – »Не могу! Это воровство, товарищ подполковник!» – «Правыльно, Евгений, воровство! Молодець, – улыбается Якимюк. – Но в яких условиях воровство? В трудных условиях Великой Отечественной войны! Так шо – принэси. А отвечать перед солдатами буду я!» Я принес. Через два дня жбанчик водки он мне вернул. Зря я волновался, так как по неопытности не знал, что у командира его ранга был законный неприкосновенный запас продуктов, которым он мог распоряжаться, как хотел. Просто у него в тот день не было этого запаса, и он одолжил его у меня. И вернул. Должен признаться, что упрямство мое ему понравилось...

И совсем комическая ситуация случилась со мной, когда я вернулся домой после войны. Я, молодой лейтенантик, еду в троллейбусе по Москве. На одной из остановок в салон вошла симпатичная девушка. Влюбился моментально. Настолько влюбился, что пропустил свою остановку. Решил непременно познакомиться. Она между тем внимательно посмотрела на меня и многообещающе улыбнулась. У Камерного театра, теперешнего имени Пушкина, вышла, я за ней: «Можно с вами познакомиться?» «Конечно», – ответила девушка, по-прежнему улыбаясь. Протянула мне руку и назвала имя. «Я провожу вас!» – «Ладно». И улыбка ее стала просто неземной. Мы подошли к дому, который я очень хорошо знал. Поднялись на четвертый этаж, остановились у двери. Девушка позвонила, дверь открылась, в дверях – мой двоюродный брат художник Борис Немечек: «Куда ты запропастилась? Я уже беспокоиться начал», – выговорил он девушке. «Не сердись, Боря. Зато я встретила и привела к нам Женю». Угораздило же меня влюбиться в жену брата! Мы никогда с ней прежде не встречались. Я не знал, что Борис женился. А она меня еще в троллейбусе узнала по семейным фотографиям. В троллейбусах с тех пор с женщинами никогда не знакомился: каждая могла оказаться родственницей!

– У войны женское лицо?

– Идиотское! С одной стороны пишут: «Наше дело правое!», с другой стороны пишут: «Наше дело правое!»... Война – это человеческий идиотизм, который, наверное, заложен в генах. У войны лицо идиота!

– И в Чечне сейчас то же самое?

– Какая бы война ни была – святая, народная, – она все равно идиотична, и ничего больше! Так устроил Бог.

– Вам досталось жить в сложное время. Говорят, чем больше топтать траву, тем лучше и быстрее может вырасти газон. Не распространяется ли это правило на искусство, в частности театр? Война, сталинщина – и расцвет российского театра!

– Как вам сказать... Искусство должно иметь свои, скажем, обязательства. Я имею в виду профессионализм, вторжение в решение жгучих проблем. И все это в пределах хорошего вкуса, в пределах творческого поиска. Когда демократизация и свобода воспринимаются как вседозволенность, получаются полная ерунда и нестыковка: разгулявшиеся режиссеры делают Бог знает что, а остановить их никто не может, так как мы объявили в обществе победу демократии. На самом деле мы не знаем законов демократии, а они заключаются в дисциплине, в обязательности, в соблюдении правил и норм человеческого вкуса. Сейчас у нас царит какое-то разгильдяйство. Каждый делает все, что хочет, и обижается на замечания. Например, то, что делается на ТВ, уму непостижимо! Как там говорят на русском языке?! Что вытворяется?! Кто нас смешит?! Не говоря уже о рекламе. При сталинизме, который я ненавижу всей душой, были испуг, боязнь выйти за рамки приличия. Поэтому люди сдерживали себя. Сейчас людям дали свободу. Очень хорошо, что дали. Но любая свобода должна иметь контроль, хотя бы личный. Причина всех нынешних безобразий на ТВ, в театре, в живописи – отсутствие настоящей культуры. Вот все и вышло наружу! Это все равно что держать волка в клетке: взаперти ведет себя прилично, а выпусти на волю – покажет свое истинное лицо.

– Кажется, война для вас не закончилась в победном мае 45-го, и вы продолжаете воевать – уже на полях искусства. Вас много «били» за ваше правдоискательство в театре и кино?

– Никогда! Замечу, что и я «бил» по-хорошему – критиковал! Я мог позволить себе критиковать самых влиятельных «партийных» актеров и не боялся этого делать. Я не вписывался тогда, и уж тем более не вписываюсь сейчас в безобразные рамки, потому что стараюсь сохранить хоть какие-то каноны, вкус, чувство меры, такт. Посмотрите, когда появляются на сцене, экране или телеэкране Баталов, или Басилашвили, или Гафт, или Слава Тихонов (таких уже мало осталось!), они несут мысль, они обаятельны, пластичны, не оскорбляют глаз и слух зрителя. Ведь даже Юрий Никулин играл клоуна, но печального! Играл человека несмышленого, но в нем была жизнь, была мысль – и в глазах, и в движениях. Зритель смеялся – и думал! И вот после них появляются наряженные кривляки (не буду называть фамилии, не хочу никого обижать), какие-то накрашенные получеловеки. Что за странная тенденция, когда мужика должна играть женщина, и наоборот?! Причем все это помножено на полное отсутствие культуры! Сегодняшнее ТВ – тихий ужас. Нет художественного руководителя, нет «художественной руки». В стране сейчас есть «хозяйственная рука», есть «денежная рука», но нет «культурной руки».

А что смотрят по ТВ дети? Эти «ужастики», которые вообще должны показывать в строго определенное время. Скажу банальность: дети – наше будущее. То, что мы сейчас в них вложим, потом и получим. Почему не показывают фильмы с добрым началом, без убийств? Жорж Сименон написал 400 романов – и ни одного выстрела! Вот это класс!

Когда видишь бардак на телевидении, когда слышишь, как половина страны не умеет правильно говорить на родном русском языке, начинаешь задумываться: а за что, собственно, мы воевали? Вот о чем говорят ветераны Отечественной, когда собираются вместе.

– Евгений Яковлевич, может быть, это болезнь роста. Все-таки меняется одна формация, на смену приходит другая. Дай Бог, переболеем.

– Если как триппером, то может быть. Но для того, чтобы переболеть, надо, чтобы кто-то делал уколы. А у нас никто не следит ни за ТВ, ни за радио. (Я не о цензуре, а о художественном вкусе.)

– Вы чувствуете сейчас свою востребованность?

– Нашего брата начинают понастоящему ценить только тогда, когда он умирает. Тогда он делается великим, про него начинают писать статьи. Пример – смерть Ларионовой. Ее невостребованность при жизни. Да и я практически никому не нужен. Не нужен как актер, не нужен как преподаватель. Поэтому я плюнул на все и стал писать книжки. Сейчас пишу уже девятую. Это продолжение моей профессии. Я ничего не пишу о себе: вспоминаю о людях, событиях, жизненных ситуациях. Сейчас написал повесть о мудром пастухе, который мудрее многих из сильных мира сего. И вот он все понимает, но никому не нужен. Если, например, такого избрать в Думу, над ним будут только смеяться...

– Какую роль вы так и не сыграли на сцене или в кино?

– Я мечтал сыграть Монтеня. Уж больно он современен, хотя и жил в XVI веке. Это великий и очень добрый мыслитель. Прочтите его «Опыты» и сразу поумнеете. Еще очень хотел и хочу (да возраст не позволяет!) сыграть Салтыкова-Щедрина. Я влюблен в него и считаю его самым великим русским писателем. Он может уступать Толстому или Тургеневу как романист, но современность его произведений абсолютна!

– Когда последний раз ходили в театр?

– Недавно смотрел «Отелло», а недели четыре тому назад – «На дне» в Театре Советской Армии. Мне очень понравилось. Театр держит марку русского реалистического искусства. Зал оказался наполненным молодежью, хотя для современной молодежи эта пьеса Горького очень сложная, как бы устаревшая, не модная.

– Вы смотрели трансляцию церемонии «Ники» или присутствовали на ней?

– Не смотрел и не присутствовал. Я отказываюсь посещать такого рода мероприятия. Да меня на них и не приглашают, знают, что не пойду.

– Может быть, не приглашают потому, что вы производите впечатление «колючего» человека?

– Почему «колючего»? Я правдивый!

– Тогда ответьте на такой вопрос: у вас есть рецепт выхода страны из кризиса?

– Если бы я ответил на этот вопрос, я был бы круглым идиотом. Это удар ниже пояса.

– Кто вам симпатичен из наших политиков?

– Мне все противны, кроме Путина. Он какой-то целеустремленный. По-моему, он человек волевой, во всяком случае, похож на волевых и целеустремленных командиров, каких на войне были считанные единицы. Он умный, хитрый. Мне это нравится.

– Вас не смущает его молодость?

– Наоборот! Надо выгонять всех стариков! Пока в России со всех властных постов не выгонят стариков и не взойдет новое поколение, ничего хорошего не будет. Впрочем, все новое поколение воспитано на ТВ: вранье, проститутки, россказни... Где-то надо искать талантливую молодежь. В провинции? Или, как царь Петр, из-за границы приглашать? В свое время Генри Форд рыскал по всему миру, отыскивая человеческие бриллианты. А что у нас? Страной руководили и руководят выдвиженцы – по блату, по-родственному, по кумовству, по партийной линии. Если так пойдет и дальше, у нас ничего не получится. Я очень надеюсь на Путина, если его, конечно, не сломают, как Ельцина. Тенденции просматриваются: Путин с удовольствием посещает потемкинские деревни. Меня это настораживает.

– Орден «За заслуги перед Отечеством» вам вручал в Кремле президент Ельцин. Какое у вас сложилось впечатление от первого президента России?

– Ельцин произвел на меня великолепное впечатление. Он настоящий русский мужик, не злой, не мстительный. Его съели шпана и сволота. Он никому не гадил, никого не сажал. Крупнейшая личность. Люди сейчас недопонимают, что только такая русская махина, как Ельцин, мог повернуть страну на другие рельсы.

– Как сегодня живется ветерану Евгению Веснику?

– Неуютно. Очень неуютно. Лекарств, которые мне требуются, не дают. В учреждениях издеваются, посылают туда-сюда. Покупать их на свои деньги я не могу, так как стоят они в три раза больше моей пенсии.

– А как же фантастические льготы для ветеранов, о которых столько говорят?!

– Никаких льгот. Я, повторяю, не могу получить даже тех лекарств, которые мне положено получать бесплатно. Одна льгота – подарки к праздникам.

– Кто хозяин в вашей семье?

– Деньги! Есть деньги – в доме хорошо, нет – плохо. Я – нищий. И это не фигуральное выражение. Получаю в месяц 70 долларов – и это вместе с президентской пенсией.

– Как вы отмечаете День Победы?

– Собираемся с друзьями, выпиваем граммов по триста и плачем от того, что видим вокруг.

– Неужели все так беспросветно?

– Мы плачем, потому что воевали и думали: вот теперь-то будет рай, а на самом деле завоевали... Обидно. Очень надеюсь на новую власть и нового президента.

Когда человек вроде меня ворчит (в хорошем смысле слова), его надо спрашивать: что вы как артист считаете сейчас нужно делать в первую очередь?

– Считайте, что спросили!

– Я очень боюсь за подрастающее поколение. На наших глазах уже растут два почти потерянных поколения. Так вот, сейчас надо лихорадочно организовывать клубы по интересам. Не клубы-рестораны, где собираются бандиты, не Дома пионеров из прошлых времен, где разучивали песни о Ленине... Нужны клубы технической молодежи, клубы театральной молодежи. Детей и молодежь надо вовлекать в творческую жизнь, учить доброму. Раньше людей объединяли под знаменами идеологии, и это было отвратительно. Сейчас надо объединять людей под знаком Дела. Засучивать рукава и работать. Труд – это наш батюшка-царь. ■

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Евгений Яковлевич Весник родился в 1923 г. Воевал на фронтах Великой Отечественной войны. В 1948 г. окончил Театральное училище имени Щепкина. Работал в Московском драматическом театре имени Станиславского, Московском Театре сатиры. Почти 30 лет был актером и режиссером Малого театра. Сыграл более 120 ролей в театре и 94 роли в кино, в том числе в таких фильмах, как «Дело № 306», «Сильные духом», «Новые приключения неуловимых», «Угрюм-река», «Семь стариков и одна девушка», «Отелло», «Действуй, Маня». Народный артист СССР.

172